

D. Fonvizin's Literary Work in the Context of the Russian Culture of Catherine's Time (Problems and Perspectives of Studying)

Alpatova Tatiana Aleksandrovna¹

Associate Professor of Moscow State Regional University
Moscow, Russia.

(date of receiving: February, 2017; date of acceptance: October, 2017)

Abstract

The report is devoted to the analysis of directions in the study of D.Fonvizin's literary works, which developed in Russian and foreign literary criticism in more than two centuries of recognizing the comedian as a key figure in Russian literature of the 18th century. The problem of the integrity of the Fonvizin's heritage in the school and university interpretation is posed; conclusions were drawn on the significance of such an approach for establishing the systemic links between the Fonvizin's comedies and other surviving works of the writer, as well as the historical and literary context of Catherine's time. In the center of the report is the problem of the value orientations of D.Fonvizin's creativity. For the first time she was raised in the "Message to my servants ..." (early 1760s) and subsequently developed in both drama and prose, and the journalism of the writer. Fonvizin's artistic philosophy develops from the comprehension of the spiritual crisis of contemporaries to the discovery of values that can be based on the building of one's personality: national self-awareness, education and upbringing, home and family, which ultimately means the possibility of internal independence, which the Russian nobility has become the main cultural the task of Catherine's time.

Keywords: D. Fonvizin, Classicism, Comedy, Poetics, Catherine's Time.

1. E-mail: ta.alpatova@mgou.ru

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-001-00001 «Catherine II: personality, creativity, era. encyclopedic Dictionary».

Литературное творчество Д.И. Фонвизина в контексте русской культуры Екатерининского времени (проблемы и перспективы изучения)

Алпатова Татьяна Александровна¹

доцент Московского государственного областного университета,
Москва, Россия.

(дата получения: февраль 2017 г.; дата принятия: октябрь 2017 г.)

Аннотация

Статья посвящена анализу направлений в изучении литературного творчества Д.И. Фонвизина, сложившихся в российском и зарубежном литературоведении более чем за два века признания комедиографа ключевой фигурой в русской литературе XVIII в. Поставлена проблема целостности фонвизинского наследия в школьной и вузовской интерпретации; сделаны выводы о значении такого подхода для установления системных связей фонвизинских комедий с другими сохранившимися произведениями писателя, а также историко-литературным контекстом екатерининского времени. В центре доклада – проблема ценностных ориентиров творчества Д.И. Фонвизина. Впервые она была поднята в «Послании к слугам моим...» (нач. 1760–х гг.) и впоследствии развертывалась как в драматургии, так и в прозе, и публицистике писателя. Художественная философия Фонвизина развивается от осмысления духовного кризиса современников к открытию ценностей, на которые может опираться в построении своей личности человек: национальное самосознание, образование и воспитание, дом и семья, что в конечном итоге означает возможность внутренней независимости, обретение которой русским дворянством стало главной культурной задачей екатерининского времени.

Ключевые слова: Д.И. Фонвизин, Классицизм, Комедия, Поэтика, Екатерининское Время.

1. E-mail: ta.alpatova@mgou.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-001-00001 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. энциклопедический словарь».

Введение

Предметом наблюдений в настоящей статье будут перспективные направления в изучении творчества Д.И. Фонвизина как культурно-эстетического целого, представляющегося одним из наиболее ярких явлений русской культуры последней трети XVIII в. Несмотря на глубокий интерес, который по традиции вызывают произведения писателя как в России, так и за рубежом, проблема внутреннего единства в творческом развитии Фонвизина все же не решена до конца. Методология такого решения предполагает объединение биографического, культурно-исторического и эстетического подходов, при котором фактическая совокупность фонвизинских текстов может быть рассмотрена и как философско-эстетическое единство, в котором возможно проследить и векторы развития самой художественной системы писателя, и специфику его места в контексте умственных и эстетических течений его эпохи, одним из наиболее показательных воплощений которой он стал. Подобный подход представляется сопряженным самой эстетике XVIII столетия как Века Разума, стремившегося во всем найти некие единые всеобщие законы. Это естественно предполагало, что здесь и сейчас высказанное писателем имело не только (и даже не столько) конкретно-исторический смысл, сколько было обращено ко всем народам и векам, предполагало безусловную уверенность, что Мысль не имеет границ во времени и пространстве и может сослужить полезную службу как современникам, так и самым далеким потомкам. Именно эта особенность рационалистического взгляда на творчество придавала удивительную внутреннюю силу писателю, безусловно уверенному в том, что нет и не может быть бесплодных усилий на этом пути.

Основная часть

Внутреннее единство творческого наследия Фонвизина можно

почувствовать уже в одном из первых его оригинальных сочинений – философской сатире «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке» (1763–1764). Выстроенное как цепочка развернутых ответов на главный вопрос автора – «На что сей создан свет?» – послание это вводит уже в достаточно раннее творчество Фонвизина духовно значимую проблему смысла бытия, обдуманности и божественной «оправданности» мироздания, в котором есть место злу и несправедливости. Философский вопрос обращен к простым людям — слугам; в ответе каждого из них поднимаются столь острые и болезненные проблемы общественного устройства, что сомнения в осмысленности всего вокруг невольно нарастают. Поиски смысла бытия обречены на провал; остается лишь принять сложившийся порядок вещей и ограничиться лишь иронией в оценке общепринятых, знакомых явлений окружающего мира, что вряд ли может стать защитой от отчаяния, рождающегося в результате понимания того, что все на свете — жестокая бессмыслица.

Однако философский скептицизм своего «Послания...» сам Фонвизин, а вслед за ним и позднейшая критика не считали истинным выражением безбожия; по словам писателя, «сие сочинение было действие не безверия, но безрассудной остроты моей» (Фонвизин 1959, 2; 96). Тем не менее в последующем творчестве писателя большую роль играет поиск просветительских идеалов, которые должны стать опорой человеку на трудном жизненном пути. Это — национальное достоинство, польза Отечеству, идеал просвещенной и добродетельной, радеющей о пользе страны и народа монархии, просвещение разума, воспитание сердца, верность дружбе и любви, незыблемость очищенной от предрассудков веры в благое Провидение Творца. Утверждение этих ценностей становится опорой Фонвизина-сатирика и в бесстрашном осмеянии всего, что было вредным и разрушительным для государства и его граждан.

По традиции, сложившейся в российском литературоведении, проблема отражения в творчестве Фонвизина екатерининского времени как культурной эпохи в истории России сводилась в основном к сатирическому потенциалу образов фонвизинских комедий. Даже в статье В.О. Ключевского, включавшей в толкование «Недоросль» столь важную для его понимания культурно-историческую реалию, как «Указ о вольности дворянства» (1762), общий пафос так или иначе сводился к трактовке пьесы как «зловещего пророчества» (Ключевский 1991, 363), выявлявшего главное противоречие сложившейся ситуации «прав без обязанностей», когда «дворянская вольность по указу 1762 г. многими понята была как увольнение сословий от всех специальных сословных обязанностей с сохранением всех сословных прав» (Ключевский 1991, 353). При такой трактовке воплощением фонвизинского понимания следствий указа виделась только госпожа Простакова с семейством – не случайно именно в ее речи и звучит непосредственная отсылка к этому документу. Однако идейная структура пьесы формировалась в рамках общего художественного целого, и таким образом не только и даже не столько отрицательные персонажи, но и протагонисты оказывались включены в обсуждение этого важнейшего документа екатерининской эпохи, по сути, демонстрируя возможности действительно «положительной» реализации предложенного культурного выбора.

В этом смысле не только «Недоросль», но и творчество Фонвизина в целом может оцениваться как развернутое размышление о новом положении российского дворянства, в котором оказалось оно после указа и которое означало возможность выстраивания самостоятельной жизненной стратегии, свободной как от давления родовых традиций (как это было в допетровской Руси), так и от долженствования, предлагаемого государством начиная с Петра I. «Вольность» дворянского сословия, по замечанию Ю.М. Лотмана, означала возможность многовариантного поведения, а значит, экзистенциального

выбора в полном смысле этого слова (Лотман 1991; 1, 248–269); в идейном климате эпохи это означало интерес к «социальным технологиям» (Артемьева 2005, 159), в личных судьбах – напряженный поиск баланса между «вольностью» и новым пониманием общественного служения, о котором мечтал и сам Фонвизин: «Человек с дарованием может в своей комнате, с пером в руках, быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества» (Фонвизин 1959; 2, 136).

Применительно к творчеству писателя подобный подход встречается в монографии А. Стричека, предложившего целостную трактовку «Бригадира» как пьесы «о конфликте поколений, о бессилии отцов перед проблемами современности» (Стричек 1994, 129). Однако, думается, эта ситуация свободного выбора до конца раскрывается лишь в «Недоросле», где выбор действительно становится предметом изображения – как в предыстории Стародума и его молодых друзей-единомышленников, так и непосредственно в сценическом поведении Митрофана и его близких,

Не только рассуждения автора-публициста, но и попытка создать живой сценический тип, вывести на сцену «образованное общество», представить «дух и слог» добродетельных персонажей, добившись тем самым цельности художественного мира пьесы, – вот что было целью Фонвизина в этой комедии.

Читатели слишком привыкли верить на слово критикам Фонвизина, упрекавшим его положительных героев за чрезмерную длину речей и усреднено «книжный» язык, за чересчур однозначную их «положительность». Однако современники воспринимали пьесу несколько иначе – и, думается, их взгляд был ближе авторскому замыслу. По воспоминаниям Н.М. Карамзина, известным со слов Н.И. Греча, на первых представлениях «сцены комические возбуждали в зрителях мимолетный смех, а серьезные обращали на себя внимание публики, которая в то время любила разглагольствования на сцене,

особенно если они были наполнены колкими замечаниями на светские обычаи и слабости того времени» (Кочеткова 1984, 165). Они не только участники внешнего — событийного сюжета пьесы, в котором бесстрашно борются за любовь, вызволяют от жестокосердной помещицы несчастных подвластных ей крестьян. Они становятся героями не менее важного сюжета нравственного, центр которого — вопрос, волнующий практически всех действующих лиц пьесы, вне зависимости от того, сознают ли они это сами, — как жить?

Уже освящено традицией видеть в «педагогической» комедии Фонвизина «объектом» воспитательного и образовательного «эксперимента» одного Митрофана. В самом деле, и по возрасту, и по положению он — тот самый «недоросль», превративший принятое с петровских времен нейтральное обозначение молодого дворянина в обидную кличку для бездельника и неуча. Именно он перечеркнул заключающуюся в самом слове надежду, что выражающая «недостаточную степень проявления качества» часть его «недо» все же допустит необходимые для становления человека изменения. Хитрый и изворотливый, непросвещенный и бесчувственный, не способный ни к трезвой самооценке, ни к сыновней благодарности и любви, Митрофан уже в силу самих законов сатирической типизации — живое подтверждение известного изречения Стародума: «...Невежда без души — зверь...» (Фонвизин 1959; 1, 129).

Но все же несостоявшееся становление личности «недоросля» — Митрофана не исчерпывает нравственно-философскую проблематику пьесы. Хотя буквально «недоросль» перед зрителем всего один, многие и выведенные на сцену, и лишь упомянутые в речах персонажи не так далеки от него и по возрасту, и, главное, по совершенно особому, свойственному молодости социальному и психологическому статусу. Софья, Милон, Правдин, «молодой Стародум» (каким является он в собственных рассказах), друг его «молодой граф» — все они лишь вступают в жизнь в очень нуждаются в ответах на вечные и в то же время для каждого поколения звучащие по-новому вопросы:

как примирить волю моего «я» и долг, на меня возлагаемый? Как быть счастливым?

Эта особенность духовной атмосферы екатерининского времени определила пути развертывания «нравственного сюжета» комедии. По существу, он представляет собой историю «отцов» и «детей», повествует о сохранении духовной связи между поколениями и о возможных последствиях разрывов этой связи. О своих молодых годах вспоминают практически все персонажи «Недоросля», представляющие старшее поколение, — Простакова, Скотинин, Кутейкин, Цыфиркин и, конечно, Стародум. Для новых «русских мальчиков» рассказывают они о давно ушедшей юности, даже следуя необходимым приметам жанра: непременно характеризуя отца и мать, условия воспитания, воспроизводя наиболее поучительные случаи из своей биографии. Рассказать об этом очень важно для героев — не случайно так легко откликается Стародум на просьбу Правдина поведать о прошлом: «...Происшествия с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не могут... — Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее...» (Фонвизин 1959; 1, 129). Искреннее внимание награждает чистосердечного и правдивого «мемуариста», основное желание которого — быть услышанным, передать свой жизненный опыт духовно близким младшим современникам.

Перед выбором стоят и «положительные» персонажи пьесы, занятые поисками ответов на «вечные» вопросы. Именно это не позволяет однозначно считать их образцами добродетели, и только, эталонами, застывшими в своем совершенстве. И Правдин, и Милон, и Софья еще не знают, как жить, и поэтому чаще всего не проповедуют, но ищут новой веры. Поэтому и ждут герои приезда Стародума не только для разрешения внешних сюжетных коллизий. Они ждут его слова — и слово это оказывается не поучением самоуверенного ментора, но живым воспоминанием о прожитых годах,

напряженным самоанализом» зримо развертывающимся перед читателем и собеседником нравственным поиском.

Таков он в беседе с Пrawdиным в первом явлении третьего действия. За учительным пафосом речи Стародума угадывается внутренняя борьба негодования и сдерживающей его силы рассудка. «...У меня правило в первом движении ничего не начинать...» — эта фраза героя психологически объясняет «остановку» в развитии действия. Надо осмыслить то, что произошло, остановиться и успокоиться, а что может быть благотворнее для души, как не откровенный разговор с молодым другом. И может быть, не случайно именно здесь говорит Стародум о своем отце, цельном человеке, жившем в иную эпоху — ведь в трудные минуты так естественно искать нравственную опору. Едва ли не сожаление о петровских временах звучит в репликах героя: «...Тогда один человек назывался ты, а не вы. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих...» (Фонвизин 1959; 1, 128), «...В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные...», «...В то время... не умели еще чужим умом набивать пустую голову...» (Фонвизин 1959; 1, 129) Вслушавшись в столь часто повторенные слова «тогда», «в тогдашнем веке», зритель видит вдруг человека, не столько непогрешимо уверенного в себе, сколько горько сожалеющего о волею судьбы выпавшем ему на долю времени. Стародуму тяжело в сложном и часто противоречивом новом веке, его обращению с людьми, более свойственному прежним, «цельным», «односоставным» временам, ныне «...многие смеются...». И вспоминает здесь он более всего о тех случаях, в которых был не прав — выйдя в первый раз в отставку, когда, по его собственным словам: «... Горячность не допустила... рассудить, что прямо любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам и что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожаловану...» (Фонвизин 1959; 1, 130). Он сам удивляется и почти смеется странному «случаю», приведшему его ко двору.

Нет единства в позиции Стародума по отношению к трактовке указа 18 февраля 1762 года о вольности дворянства. Уверенный, что дворянину можно взять отставку только в том случае, «...когда он внутренне удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит...» (Фонвизин 1959; 1, 130), герой все же отказывается от надежд сделать что-либо при дворе. «...Лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней...» (Фонвизин 1959; 1, 131) — так убежденно служащий государству духовный потомок Петровской эпохи, своего рода «классицист» в общественном поведении, привыкший самозабвенно служить Целому, приходит к настоящей философии удаления от света, уединения. Признание исключительной духовной ценности оберегающего человека узкого круга друзей, семьи, Дома в высшем значении этого слова определяет нравственный смысл бесед Стародума с Софьей. Невозможно достичь того, чтобы «...никто на свете зла не пожелал...», поэтому «...Дурное расположение людей, не достойных почтения, не должно быть огорчительно...» (Фонвизин 1959; 1, 149) — уверяет герой свою собеседницу, рисуя перед ней выход из кажущегося жизненного тупика. Человек сам должен и может создать тот Дом, что защитит его от превратностей судьбы: «...Разве тот счастлив, кто счастлив один?...» (Фонвизин 1959; 1, 151), «...Умей остановиться с теми, которых дружба к тебе была бы надежною порукою за твой разум и сердце...» (Фонвизин 1959; 1, 149), «...Муж благоразумный! Жена добродетельная! Что почтеннее быть может!...» (Фонвизин 1959; 1, 154). И соединившая в себе горячее сердце с просвещенным разумом Софья принимает справедливость этих слов, почитая священной «должностью» своей именно создание такого Дома. Так едва ли не впервые в русской литературе нового времени в изображение частной семейной жизни оказался внесен общечеловеческий, почти метафизический смысл.

Нет непогрешимой самоуверенности и в воззрениях героев на государственное устройство. Беседа Стародума с Правдиным в начале пятого

акта комедии также психологически сложна. Стоит только вспомнить, что разговор героев о том, каков должен быть доброжелательный государь, ведется чуть раньше шести часов утра (ведь именно на это время назначила Простакова злодейское похищение Софьи) — и психологические позиции собеседников предстают совершенно неожиданными для зрителя. Утверждения Стародума изначально гипотетичны и идеальны, и уже потому нет в них покоя. «...Где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права...» (Фонвизин 1959; 1, 166), «...Великий государь есть государь премудрый. Его дело показывать людям прямое их благо...» (Фонвизин 1959; 1, 166), «...Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не совращаться! Сколько сетей расставлено к уловлению души человека, имеющего в руках своих судьбу себе подобных!...» (Фонвизин 1959; 1, 167) — эти и подобные им реплики звучат не только как поучение, но прежде всего как страстная мечта о счастливом государственном устройстве. «Слушай, друг мой!», «Поверь мне, мой друг!» — постоянно обращается Стародум к Правдину за поддержкой, желая быть услышанным, искренне благодарно радуясь тому, что удалось найти единомышленника в молодом человеке.

Заключение

Анализ комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» в контексте творчества писателя как культурно-эстетического целого позволяет сделать ряд выводов как о своеобразии идейной структуры пьесы, так и особенностей художественного метода Фонвизина-драматурга, а также выделить те узловые точки, в которых его комедия стала наиболее значительным свидетельством современника о тех возможностях культурного выбора, которые создал в России Указ о вольности дворянства и освоение которых было наиболее очевидной культурной задачей екатерининского времени.

Главным итогом размышлений и воспоминаний Стародума становится мысль о нравственной самостоятельности и ответственности человека. И на государственной службе, и в семейной жизни, и на войне «новый» дворянин должен сам избирать свой путь и сам отвечать за его истинность, соответствие нормам добра и справедливости. Это сочетание самостоятельности и ответственности становится в речах Стародума залогом «встречи» человеческих представлений о Должном и абсолютной его мере. Просветитель Фонвизин более всего занят нравственными проблемами своего времени, поэтому более глубокую философскую перспективу его этика получает только в единстве всех высказанных в пьесе позиций. Кажется парадоксальным, но, как и Простакова, Стародум (на первый взгляд целиком «новый» человек, историческое время которого измеряется немногим более чем десятилетиями) также, а возможно, и более убежденно отстаивает традицию, которая гораздо древнее идеалов «старинных людей». Не случайно при дворе он более всего удивляется тому, что люди «...о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся...» и им «...во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки,..». Стародум — человек, живущий в истории, ощущающий свое скромное, но достойное место в вечности. И потому правда героя, утверждающая самостоятельность личности, все же не своевольна. Она совпадает и с нормами «естественного права человека (того самого, с которым невозможно примирить принятое в обществе Простаковых — Скотининых унижение и подчинение одного человека другим), и волей Провидения, определившей предустановленный порядок вещей. Именно поэтому, словно «отпуская на волю» своими советами и наставлениями молодых героев, он лишь крепче привязывает к себе сердца собственных «духовных детей», создавая возможность достойного разрешения нравственной коллизии всякой переходной эпохи. Чистый источник

нравственной истины не только делает ее благотворной для всякого, кто к ней прикасается, но становится залогом неразрывной связи поколений. Осознание этой истины позволяет действительно уловить живую связь фонвизинских размышлений и всего того, что сегодня волнует современного читателя.

Литература

- 1- Артемьева Т.В. (2005). *От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения*. – Санкт-Петербург. Изд-во «Алетейя».
- 2- Ключевский В.О. (1991). *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*. Москва. Изд-во «Правда».
- 3- Кочеткова Н.Д. (1984). *Фонвизин в Петербурге*. – Ленинград. Изд-во «Лениздат».
- 4- Лотман Ю.М. (1991) *Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т.* – Таллинн. Изд-во «Александра». – Т. 1. – С. 248–269.
- 5- Стричек А. (1994). *Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения*. – Москва. Изд-во «Прометей».
- 6- Фонвизин Д.И. (1959). *Собрание сочинений: в 2-х т.* – Москва; Ленинград. Изд-во «Государственное издательство художественной литературы».

Bibliography

- 1- Artem'eva T.V. (2005). *Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushhemu. Filosofija istorii i utopija v Rossii jepohi Prosveshhenija*. – Sankt-Peterburg. Izd-vo «Aletejja».
- 2- Kljuhevskij V.O. (1991). *Istoricheskie portrety. Dejateli istoricheskoy mysli*. Moskva. Izd-vo «Pravda».
- 3- Kochetkova N.D. (1984). *Fonvizin v Peterburge*. – Leningrad. Izd-vo «Lenizdat».
- 4- Lotman Ju.M. (1991) *Pojetika bytovogo povedenija v russkoj kul'ture XVIII veka // Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i: v 3-h t.* – Tallinn. Izd-vo «Aleksandra». – T. 1. – S. 248–269.

- 5- Strickek A. (1994). *Denis Fonvizin. Rossiya jepohi Prosveshhenija*. – Moskva. Izd-vo «Prometej».
- 6- Fonvizin D.I. (1959). *Sobranie sochinenij: v 2-h t.* – Moskva; Leningrad. Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Alpatova Tatiana Aleksandrovna (2018). D. Fonvizin's Literary Work in the Context of the Russian Culture of Catherine's Time (Problems and Perspectives of Studying), *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 11(1): pp: 101-114.

DOI: 10.29252/iarll.11.101

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-135-en.html>

آثار ادبی د.ای. فانویزین در فرهنگ روسیه دوره کاترین دوم (مسائل و چشم‌انداز مطالعات)

تاتیانا آکساندرونا آلپاتووا^۱

دانشیار دانشگاه دولتی استان مسکو،

مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۷)

مقاله به تحلیل دیدگاه‌ها و نظریات مختلف در مطالعه آثار ادبی د.ای. فانویزین که در مطالعات و پژوهش‌های ادبی روسیه و کشورهای خارجی بالغ بر دو سده است به عنوان نویسنده برجسته و تأثیرگذار در ژانر کمدی ادبیات سده هجدهم شناخته شده است، می‌پردازد. موضوع کامل بودن آثار ادبی فانویزین در تفسیر و تأویل آنها در مدرسه و دانشگاه مطرح می‌شود. بر همین اساس پژوهش حاضر در ایجاد ارتباط نظام‌مند آثار کمدی فانویزین با آثار حفظ شده دیگر او و نوع متون آثار ادبی عصر کاترین به نتایج مهمی دست یافته است. در مقاله به موضوع جهت‌گیری‌های ارزشی آثار ادبی د.ای. فانویزین توجه ویژه‌ای شده است. این موضوع برای نخستین بار در «پیام به خادمانم...» (سال‌های ۶۰-۷۰ سده هجدهم) مطرح شده و سپس در آثار درام و آثار منثور و مقالات نویسنده مورد بررسی قرار گرفته است. فلسفه هنری و ادبی فانویزین از بحران روحی و روانی هم‌عصران در درک ارزش‌های اخلاقی که انسانها می‌توانند از آنها در شکل‌گیری شخصیت خود بهره‌گیرند نشأت می‌گیرد. پاره‌ای از این ارزش‌ها عبارتند از: هویت ملی، تعلیم و تربیت، خانه و خانواده. این ارزش‌ها و هنجارها در نهایت به معنای کسب استقلال درونی است که رسیدن به آنها مهمترین هدف درباریان عصر کاترین به حساب می‌آمد.

واژگان کلیدی: د.ای. فانویزین، کلاسیسیزم، ژانر کمدی، آثار منظوم، عصر کاترین.

1. E-mail: ta.alpatova@mgou.ru

پژوهش با حمایت مالی رف ف ای در چارچوب طرح علمی- پژوهشی به شماره ۱۸-۰۰۱-۰۰۰۰۱ با عنوان: «کاترین دوم: شخصیت، آثار، دوره تاریخی. فرهنگ دایرة المعارف» انجام گرفته است.